

Древда, - 1989. - 1 мей - с. 5

● Девять его пьес поставлены в 42 югославских театрах и в 20 зарубежных. По четырем сценариям сняты художественные фильмы. Один из них — «Балканский шпион» — признан в 1984 году лучшим фильмом года. Первую свою пьесу «Марафонцы на дистанции» он написал в 22 года студентом драматической академии. Последнюю — «Клаустрофичная комедия» — три года назад. В этом году в июле Душану Ковачевичу исполнится 41 год.

Наша беседа состоялась солнечным весенним днем, в канун Первомаия — праздника, который для каждой творческой личности неотделим от труда, созидания.

— Критики единодушно говорят о феномене Ковачевича в югославской драматургии. Что вы сами думаете об этом?

— Критики любят говорить красиво. Не может быть никакого чуда, если много работаешь. Над каждой пьесой я сижу, словно каторжный. Переписываю ее обыкновенной ручкой, как в начальной школе, по шесть-семь раз. О себе никогда не думаю, что я драматург, пишу и все. Когда человек шагает по земле, он ведь не задумывается об этом. Пишу от руки еще и потому, что, как говорится в русской поговорке, написанное пером не вырубить топором. И, наконец (говорит с улыбкой), рукописи не на пишущей машинке, не горят.

— Вы любите Булгакова?

— Булгаков — классик. Перед ним надо преклоняться.

— Если речь зашла о русской литературе, как вы к ней относитесь?

— Только ради бога, не поймите превратно, вот, мол, беседу с русским и... Да простят меня все остальные литературы, ваша для меня ближе всех. Это действительно стало афоризмом — все мы вышли из гоголевской «Шинели»... Я боготворю Чехова. Чеховские пьесы ждуть своей разгадки, столько там мыслей, тем, пластов! Многогим он не нравится, ну и что? Свои картины Чехов писал фресками, если человек не любит их, значит, не любит живопись вообще. Наш писатель, Нобелевский лауреат Иво Андрич абсолютно не выносил театра, ну и что?

— Ваш идеал драматурга?

— Идеал — это нечто недостижимое, таинственное.

Собеседник взял сигарету, медленно закурил, медленно затянулся. Пауза зависла в воздухе, и я подумал, что вопрос мой, видимо, не очень удачен, что отвечать драматург на него не хочет, когда он сказал:

— Идеал, говорите? Если бы можно было взять от каждого хоть что-то. От Чехова — его фрески, настроение, от Гоголя — юмор, от Шекспира — насмешку над грубой силой, властью, от Пиранделло — технику письма...

Спрашиваю Душана Ковачевича:

— Почему сразу же пьесы, драмы, а не проза, стихи?

— Я часто сам задавался таким вопросом. Писать пьесы — все равно что играть самим с собой в шахматы. Мне это нравится. Вот сцена (обводит рукой свой маленький рабочий кабинет), и на ней мы с вами — действующие лица. Так вот я люблю описывать это действие. На чем основано искусство драмы? На человеческом общении, разговоре, молчании, взглядах. Я вижу, слышу, чувствую и пишу. У людей в жизни множество проблем, и я хочу, чтобы эта жизнь стала лучше. То есть неустроенность нашей жизни «заставила» меня писать драмы. Они, по моему, как литературный жанр наиболее близки к человеку, эти драмы.

— А может ли театр изменить мир?

— Нет. Где-то недавно прочитал слова вашего замечательно-го режиссера Р. Стурра. Он сказал следующее: я не верю в способность, предположим, моего Ричарда III переделать души тех ста потенциальных Ричардов, которые сидят в зале. Но заставить задуматься зрителей, общество — моя святая обязанность...

— С чем бы вы могли сравнить труд драматурга?

— С работой каменотеса. Она требует внимательности, осторожности, смелости. Одно неаккуратное движение — и каменная махина может рухнуть... А люблю «тяжелую» драматургию со множеством течений в одной реке. У меня нет положительных и отрицательных героев. Просто люди с их достоинствами и недостатками, добродетелями и пороками.

«...Обязан сохранять достоинство»

Наш собеседник — Душан Ковачевич, популярнейший югославский драматург

— Ваша самая любимая пьеса?

— «Святой Георгий, убивающий дракона». Наверное, потому, что она давалась мне очень тяжело. Писал ее три года, но когда закончил, было ощущение, что сам побывал на войне. И еще она для меня стала любимой, так как это драма с элементами комедии. Все остальное у меня — комедии с элементами драмы.

Рассказчик Ковачевич — отличный. Мне показалось, что он мог бы выступать на сцене. Знакомые актеры, кстати, так и говорили о нем: «Зарыл свой артистический талант». Спросил — он усмехнулся: «Если во мне кто-то и пропал, то художник. Я учиться поступил в Академию художеств. Сегодня рисую иногда портреты, служу подспорьем для работы. На портретах ничего не скроюсь».

Ковачевич говорил о «Святом Георгии», и, верьте — не верьте, я уже в театр мог не ходить. Сказать, что пьеса антивоенная — значит, ничего не сказать. Фантастическая? И да и нет. Сплошная реальность? Тоже нет.

— По моему, — говорит собеседник, — любая пьеса должна быть на грани реального и фантастического, повседневности и необычности. Собственно, как вся наша жизнь.

— А как вы относитесь к театру абсурда?

— Очень спокойно. В моем сердце он не оставил никаких рубцов, а на теле — никаких шрамов. Я уважаю представителей той драматургии, они пытались создать что-то новое, но от всего осталось только две пьесы. Только две.

— Интересно, какие?

— «В ожидании Годо» Бекета и «Король Иби» Жари. В то же время считаю, что пьеса — это представление, атмосфера, чем-то похожая на магию. Больше того, думаю, театр вообще нечто мифическое.

Он вновь покурив, помолчал о чем-то своем и продолжил:

— Возьмем «Балканского шпиона». Говорят, что эта моя пьеса против сталинизма. (Кстати, она написана в 1982 году). Было бы слишком просто решать

все проблемы только таким образом. Как будто в нашей истории не было деспотов. Эта моя пьеса о разлагающем влиянии тоталитарной власти, нет, не власти, режима, о людском страхе, который незаметно для самого человека превращается в паранойю. И тогда происходит мифическое: этот человек, мой герой, становится тем, кого сам боится. Становится доносчиком, и способом, которым уничтожали его, он теперь уничтожает себе подобных. При всем том мой герой из всех окружающих — самая большая жертва. Вспомните финал «Балканского шпиона». Вы видели пьесу?

— Пьесу — нет, видел фильм, который вы сами поставили, как режиссер...

— Я решил ее экранизировать, поскольку считаю, что автор наиболее близок к оригиналу и его восприятию. Та ре-

рез все мои пьесы. Она называется несправедливость. На первом месте — политическая несправедливость, так как она всегда оказывала и оказывает самое сильное и самое беспощадное действие. Потом все остальные несправедливости, существующие в отношениях между людьми.

— Ваше мнение о политическом театре?

— Не люблю выражение «политический театр». Каждая хорошая пьеса всегда направлена против плохой политики. Но театру никогда нельзя опускаться до уровня конъюнктуры. Что значит политический театр? Герои в пьесах должны быть такими, чтобы люди в других странах независимо от политического строя, взглядов получили ясную картину, о чем, собственно, идет речь на сцене. Если хоть одна моя пьеса будет восприниматься зрителями с помощью энциклопедий, справочников, то она ничего не стоит. Театр всегда обязан сохранять достоинство.

— Что вам нравится в людях больше всего?

— Правдолюбие. Человек, обладающий им, имеет и все остальное: порядочность, честность, доброту, храбрость и так далее.

— А что вызывает наибольшую неприязнь?

— Дефицит доброты. Не люблю агрессивных, злых людей. Хотя на свете существует немало и таких, которые с удовольствием, например, вспоминают войну. Она им многое дала, там они себя чувствовали героями, на войне они были, считают, людьми. Увы, и такое существует в нашем сумасшедшем мире... Так вот драма как литературный жанр наиболее близка к человеку. Еще одна причина, почему я пишу весело-грустные пьесы.

— Как вам нажется, сатира, смех летит общество?

— Лечат. Но на очень короткий период. Сатира, разящая смех снимает боль, как анальгетик, только на время. Серьезная болезнь требует серьезных, сильнодействующих препаратов. Как говорит один мой приятель, медицина — это хирургия, все остальное — сульба.

— Вы верите в судьбу?

— Мы, я убежден, еще долго заплатим за то, что в какой-то определенный момент потеряли веру, нет, не в нечто таинственное — веру в историю, в культуру, в свои корни. И сейчас (хотя порой того не замечаю) мы то и дело встречаемся с судьбой — назовем это так. Ведь многие народы на Земле свои надежды связывают только с верой в нечто недоступное, высокое. А большинство из нас, и я в том числе, воспитаны на неверии, и не могут никак понять, откуда такой фанатизм.

Спрашиваю собеседника:

— Какой вопрос зритель Ковачевича задает драматургу Ковачевичу?

— Сумеет ли он оказать сопротивление соблазнам нашего мира? Сумеет ли до конца своих дней заниматься своим любимым делом?

— А что бы сказал драматург Ковачевич зрителю Ковачевичу?

Он вновь вытащил сигарету (я уже потерял им счет). Снова пауза. Потом сказал:

— Не ждите от меня чего-то из ряда вон выходящего. Самое главное то, что ты уже сделал. Одно известно — слабый драматический текст благодаря приобретенному опыту я не напишу. А дальше кто знает... В одну верю твердо: сколько собственной энергии передано пьесе, столько она отдаст ее зрителям.

— Спасибо за беседу. Поздравляю с Первомаем, желаю новых творческих успехов, а также встреч с советскими коллегами на советской земле.

Е. ФАДЕЕВ.

(Соб. корр. «Правды»).

г. Белград.